

**Виктор
ГРИШИН**
г. Осло,
Норвегия

Сколько времени я брел по кочкарнику тундры, уже не помню. Часы, как и положено в таких случаях, отказали, солнце в эту пору зашлошно бродит по небосводу и не думает закатываться. Оставалось только одно, идти по направлению, которое показывала мне стрелка компаса, и уповать, что я не попаду на магнитную аномалию, которая закрутит стрелку, как флюгер.

Природа молча глядела на меня. Сколько раз на северных тропах у меня возникало ощущение, будто за мной наблюдают. Словно на меня постоянно кто-то смотрит – то из чащи, то из озерной воды выглядывает, то с горы взирает. Это ощущение усиливает необыкновенная тишина северной природы. Ее безмолвие. Это может свести с ума. Тяготы пути, избыток солнечного света и бесчеловечность пейзажа дают о себе знать. Для человека, не привыкшего к суровым условиям Севера, даже короткое пребывание за Полярным кругом – огромное испытание. Не зря воздействию тундры приписывают такое редкое явление психики человека, как меречение, или арктическая болезнь.

Мы никогда не станем своими в тундре. Гостями – да, но хозяевами – нет. Тундра – дом для кочевников, а смысл кочевничества – быть дома в пути. Самое сложное, что предстоит понять приехавшему на Север – иную, первозданную суть движения. Для городского жителя переезд сродни пожару. После дороги принято проходить в себя, отлеживаться, отсыпаться, отмыться. Дорога для оседлого человека предполагает трудности, которые он мужественно преодолевает. Цель пути вознаграждает путника за его усердие в ее достижении. Дорога воспринимается как неординарное событие, разрывающее ткань размеренного бытия. У кочевников наоборот: дорога и есть размеренное бытие. Им не мерещится покой, не мучают миражи поселков и городов, нет никакого конечного пункта, куда торопиться пойти и осесть, есть лишь бесконечная дорога длиною в жизнь.

Как мы не можем смириться с невозможностью куда-то окончательно пойти, так они не смогут смириться с покоем сидячей жизни. Кочевой ритм складывался веками как результат экологи-

ческой и культурной адаптации к Северу, где само существование подразумевает гибкость и стремительность действий. Постоянные миграции, сменяющие друг друга стойбища – это все жизненная тропа. Превыше всего кочевник ценит свободу перемещения.

Индустриальное освоение Севера принесло зло в просторы тундры. Советское правительство, чересчур «заботясь» о малых народах, о саами, согнало их с исторических погостов и разместило в поселке Ловозеро. Это положило начало катастрофе. Разрушен оказался не только традиционный образ жизни саамов, но и их духовный мир. Кочевые тропы оленеводов – подобно тропам песни – проходили через сакральные места: священные камни, озера, горы. Взамен кочевники получили податки цивилизации и социальную мишуру: квартиры в блочных домах, ревущие «Бураны», школу, уничтожавшую их язык, больницу, в которой не лечили, да круглосуточные магазины с водкой. «Податка создает раба, – гласит саамская поговорка, – а кнут – пса».

Возьмем, к примеру, квартиру. На первый взгляд, это означает горячую воду, газ и теплую уборную. Но все это не первично для саамов. Они задыхались в бетонных жилищах. Ставили рядом с пятиэтажками свои куваксы (палатка, чум) и там жили. Историк Николай Плужников пишет, что раньше кочевники, вынужденные по каким-то причинам жить оседло, время от времени переносили свой чум – хотя бы на пару метров – чтобы «освежить воздух». Они чувствовали, как мысли и эмоции, пережитые в одном месте, сгущаются и образуют осадок, который постепенно начинает оказывать психическое давление, вызывает раздражение и провоцирует семейные ссоры. Выражаясь образным языком саамов, XX век понаделал дырок в Ловозерских тундрах, а в людских головах оставил пустоту.

Так, размышляя об особенностях жития в тундре, я шел в направлении, которое мне указывал компас, чтобы найти становище, затерявшееся среди Ловозерских тундр. Там меня должны ждать друзья, с которыми после ночевки пойду дальше в направлении размещения саамских петроглифов.

Полдня я шел по тундре, размазывая по физиономии пот и кровь от укусов комаров. В ушах стоял звон этих исчадий тундры. Хотелось пить, но вода не помогала. В голову лезла всякая чушь, что я попал под меречение и стал вроде как зомби.

Неожиданно стойкую духоту освежил ветерок и

принес запах дыма. Я, как хищный зверь, потянул ноздрями, сомнений не было, где-то совсем рядом горел костер. Я прибавил шагу и вскоре вышел на берег ручья, возле которого стояла саамская кувакса. Возле нее горел костер, у которого сидел старый саами. Он молча посмотрел на меня, вывалившегося из зарослей карликовой березы, и на мое приветствие «Тирвв» (здравствуйте) только кивнул головой и указал на место напротив себя. Это меня не удивило. В тундре вообще мало разговаривают. Не о чем. Вот она, тундра, лежит перед тобой, раскинувшаяся от моря до Хибинских гор. Что в ней может случиться. А светские новости для саами... знаете ли... Да и чего ему, саами, со мной разговаривать. Я для него чужой, а чужой – значит другой.

Старик невозмутимо курил трубку, рассматривая меня из-под набухших век. Я же отчаянно сдираю с ног надоевшие резиновые бахилы. Вдруг среди кустов промелькнула тень. Что-то пепельно-серое. Я не успел разглядеть. Только это «что-то» перепрыгнуло ручей и село возле саами.

– Боже мой, волк, – подумал я. А волк, не обращая на меня никакого внимания, глянул на старика, потоптался передними лапами и сел. Саами потрепал ему холку, а волк в знак признательности лизнул ему руку.

– Волк? – удивленно спросил я.

Старик саами только кивнул головой. В котелке, что висел над огнем, забулькало, и старик проворно снял его. Я молча наблюдал за его сноровистыми движениями. Он был стар, этот саами. Был невелик ростом, худощав. Спина его согнулась дугой от нескончаемой жизни. Одет в старую брезентовую куртку, затертые штаны. Одежда не отличалась от замшелой скалы в тундре. Только на голове у него был традиционный саамский головной убор: шапочка с отростками, символизирующими оленьи рога. Мельком он взглянул на меня, и я увидел его лицо, темное, напомилавшее кору старого дерева. Неопрятная борода висела как плеть тундрового лишайника. Взгляд голубых глаз был откровенно по-детски беззащитен. Глаза с припухшими веками казались заплаканными.

Мне показалось, передо мною сидело время, тундровое время. Нет, – поправил я себя – скорее хранитель времени.

Не спрашивая, буду ли я есть, он достал из куваксы две алюминиевые миски, явно позаимствованные у военных, и щедро наполнил их. Волк внимательно следил за руками старика, но не показал вида, что голоден. Саами не обращал

на него внимания. Северные народы обязательно накормят собаку, но только после того, как закончится обед. Ели в полной тишине, ибо нельзя разговаривать за едой, духов накличешь. После обеда старик вынул разваренные рыбные головы и отдал волку. Тот без жадности, можно сказать с достоинством, съел предложенное и, довольный, улегся у ног хозяина. Саами снова закурил трубку. Все. Можно попробовать поговорить.

– Откуда у вас волк? – спросил я. Старик, казалось, не слышал вопроса и молча, невозмутимо курил трубку. Для пушей убедительности нежелания общаться он прикрыл глаза. Разговаривать с ним было бесполезно, он был в великой Пустоте.

Пустота Севера, – утверждает Григорий Померанц, философ, писатель, – это живой образ целого. Теперь, когда люди в изобилии предметов потребления, сенсаций ощущают потерянность, важна внутренняя сосредоточенность, какую дает наблюдение пустоты в природе. Философ знал, что говорил, – он был арестован в 1949 году по обвинению в антисоветской деятельности, осужден на 5 лет, отбывал наказание в Каргопольяге, где и открыл для себя силу пустоты.

С незапамятных времен пустынные уединялись на Севере. Они искали пустоту. Кочевникам ощущение внутренней сосредоточенности искать не нужно, оно в них заложено тундрой. «Окна кочевника – его глаза, – сказал кто-то из философов, – достаточно просто слегка их приоткрыть».

Писатель, исследователь Севера Мариуш Вильк добавляет: «С возрастом мне стало казаться, что я постепенно прикрываю ставень. Через узкие окна-бойницы мир видится более четким, чем через окна, подобные вытарщенным глазам. По мнению римского архитектора Веттия Сира, так происходит потому, что узкие окна сгущают клин света: тормозя движение атомов, они деформируют края этого светового потока так, что картинка становится более четкой, более контрастной и более впечатляющей». Нечто подобное я наблюдал за стариком саами, который прикрыл веки, и все. Он отключился от реалий существующего мира и ушел в себя. Я ему не мешал, по опыту зная, что саами не среагирует на твои попытки вернуть его в действительность.

Облокотившись на локоть, я рассматривал такой привычный и такой разный пейзаж. Передо мной расстилалась огромная волнистая равнина, в складках которой укрылись вертлявые ручьи и блюдцеобразные озера. Беспечно кричал встревоженный сапсан. Бескрайняя заполярная степь, обманчиво ровная и обманчиво спокой-

ная, в любую минуту готовая превратиться в мегеру и насрать на путника все мыслимые и немыслимые беды. В тундре не оставляет ощущение какой-то затаенной угрозы. Как бы ни мила она была в минуты слабости, ей нет доверия. Редкая солнечная погода воспринимается как проявление снисхождения, за которым последует расплата дождем, ветром и снегом. В тот вечер тундра явила милость – где-то над Баренцевым морем солнце пробило перистые облака, и рассеянный свет бродил по земле.

– Они у нас давно, – вдруг произнес саами. Я вздрогнул от неожиданности. Старик заговорил медленно, тщательно подбирая слова.

– Мы, саами, не любим волков. Это исчадие тундры, они убивают оленей, и мы убиваем их. Но наша семья держит волков. Держу я, держал мой отец, дед, дед деда. – Старик снова замолчал. Я превратился в слух. Лезть в рюкзак за блокнотом было нельзя: замкнется саами и все пропало.

– Давно это было, – снова заговорил саами, – очень давно. Нас было много, и мы жили по всей тундре. Куда шли олени, туда шли и мы. Летом уходили к побережью, зимой возвращались на свои погосты (стойбища). Мы жили одни в тундре, так как не любим чужаков. Они опасны, бродяги тундры. Могут занести дурные болезни, могут украсть собаку, а то и ребенка.

Мой дед был ребенком, когда в наше стойбище зашел человек. Кто он, откуда, мы не знали. Только он разбил куваксу на окраине погоста и стал жить там. Он был страшен, этот человек: на голове у него была содрана кожа. Наверное, он схватился с медведем и тот обдрал его. По лицу проходили шрамы от когтей. Он был крупнее наших мужчин и явно сильнее. Дети погоста с любопытством рассматривали пришельца. Они боялись его, но детское любопытство преобладало. Мой дед был самый маленький из них и подошел совсем близко к незнакомцу. Тот долго и внимательно смотрел на мальчика, затем слегка кивнул ему.

На его, еще молодом лице выделялись глаза. В них горели гордость и мужество. В то же время они были мудрыми и излучали спокойствие и уверенность. Дед почему-то перестал бояться незнакомца и долго стоял у куваксы, пока испуганная мать не утащила его.

Люди с опаской, издалека, смотрели на него, но странник не делал попыток сблизиться. Все решили, что он побудет немного и уйдет. Но незнакомец не уходил. Это раздражало наших мужчин. Однажды, проходя мимо тупы (зимнее жилище), мой дед, еще ребенок, заметил, как

мужчины возбужденно переговариваются, поглядывая в сторону чужака, который сидел возле костра и курил трубку. Дед понял, что наши мужчины хотят расправиться с ним. Он решил предупредить его и пришел в его куваксу.

Выслушав деда, незнакомец улыбнулся своей изуродованной улыбкой и сказал, что мужчины ничего не смогут ему сделать. Только навредят себе. Но он не сторонник проливать кровь и уйдет сам. На прощание он хочет рассказать ему, еще мальчику, историю, которую рассказал его дед.

– Было ли это, не было, не мне судить, – сказал странник, – но мой дед утверждал, что это чистая правда, только очень древняя, когда на далеком севере существовало государство. В нем жил Герой. Он был храбрым и сильным и не раз выступал против многочисленных врагов, покушавшихся на его страну. Был у Героя друг, который помогал ему во всем. Это был Волк, Герой спас его щенком в тундре от верной гибели. Он заменил ему мать-волчицу, а когда Волк вырос, то он стал другом Героя. Животное и человек являли собой одно целое.

Их народ жил долго и счастливо. В лесах их страны водилось много зверя, в озерах и реках плескалась рыба, а стада оленей прирастали с каждым годом. Но случилась беда. Враги вторглись в земли народа Героя и осадили их погосты. Силы были неравные, и саамские стойбища исчезали под мечами захватчиков. Держался только самый главный погост, который оборонял Герой со своим другом Волком. Шаманы врагов поняли, что единство друзей непобедимо, и приказали своим лучшим воинам разлучить их. Они хитростью выманили Волка из укрытия и заманили в ловушку, пока Герой отбивался от наседавшего на него врага. После этого враги отступили, увозя Волка с собой. Герой, узнав, что его друг попал в беду, бросился в погоню. Он догнал врагов, но силы были неравные и чужие воины изрубили Героя. Связанный Волк был обречен смотреть, как его друг погибает. Он мог только выть от отчаяния. Тягучий, полный тоски и боли вой разносился над тундрой, и его услышали Боги. И произошло то, что неподвластно пониманию людей. Шерсть Волка выпала, кожа побелела, и он превратился в Героя. А тело Героя покрылось шерстью, он стал Волком. На глазах напуганных врагов Герой порвал свои путы и с голыми руками бросился на чужеземных воинов. Он выхватил у вражеского воина меч и крушил врагов, отнявших у него друга. Те в страхе бежали, чтобы никогда не приходиться в эту землю, где звери прев-

ращаются в людей, чтобы защитить себя и свою страну. Герой склонился перед Волком, который лежал стянутый ремнями. Волк только посмотрел на Героя и ушел в иной мир.

Печальной была встреча со своим народом. Герой нес своего друга на руках. Шаманы его народа пели нескончаемые песни, а вдоль их пути горели траурные костры. Долго проводились обряды в погосте Героя, народ тундры оплакивал друга Героя, его Волка.

С тех пор Герой замкнулся, в душе у него поселилось одиночество, в глазах – печаль. Ему не хватало друга. Вскоре он ушел из погоста. Ушел навсегда. Охотники видели его на побережье моря, рядом с ним шел призрачный зверь. Это был Волк.

Шаманы тундрового народа говорили, что после смерти Героя душа его воссоединилась с душой спутника и стала одним целым. Спасенная ценой жизни друга, она живет вечно. Раз в поколение в тундре рождается человек с душой наполовину человеческой, наполовину звериной. Он обречен искать себе друга, равного Волку, чтобы после смерти продолжить этот Круг душ.

Мой дед, тогда еще мальчик, слушал как завоженный. Он смотрел во все глаза на незнакомца и вдруг увидел, как он изменился. Один глаз у него засиял северной звездой, другой... другой стал кошачьим. Его голос стал вкрадчивым.

Дед не заметил, что возле куваксы собрались мужчины. Толпа угрожающе гудела. Это заметил незнакомец. Он напрягся, сделал неумовимое движение, и дед смог заметить только молнию, метнувшуюся в сторону толпы. Толпа растаяла, и наступила тишина. Мой дед смотрел и не верил своим глазам. Возле странника сидел волк. Этот сильный тундровый хищник вызывал уважение у саами своей силой, хитростью. А ещё дед заметил, что глаза у волка были такие же, как у странника: один – ярко-звездный, другой – кошачий.

Странник улыбнулся деду. Он сказал, что продолжил Круг душ после Героя.

– Я прошел множество испытаний и обрел друга. Он со мной рядом. – Странник посмотрел на волка. Тот поднял голову и потерся о его руку.

– Мы оба готовы отдать жизнь друг за друга, – продолжил странник. – Я странствую много лет, но сегодня впервые я встретил одного из нас, продолжателей Героя и Волка. Это ты. Да, да, не удивляйся, мальчик. У тебя такой же взгляд. Ты пока мал и не нашел своего друга. Я помогу тебе. – Он повернулся к своему мешку и вытащил... – дед от удивления приоткрыл рот... – волчонка. Он был совсем маленький, этот звереныш, но это был будущий волк. Откуда он мог

взяться в пустой куваксе, дед не понял. Но он лежал на широкой ладони странника и тихо посылал.

Странник передал волчонка оцепеневшему деду со словами: – Ты обрел друга, теперь все в твоих руках. А теперь прощай.

Странник вышел из куваксы со своим другом Волком, и они исчезли в синей ночи тундры.

С тех пор прошли годы. Дед вырос, стал воином. Он потерял счет годам. Его друг Волк всегда был рядом с ним. Они не раз защищали нашу страну от захватчиков. Не единожды друзья были ранены, и там, где проливалась их кровь, оставались камни, напоминавшие капли крови. Эти камни стали священными для нашего народа. Их так и зовут «лопарская кровь».

Дед жил очень долго. Он стал глубоким стариком, молодыми оставались только его глаза: один яркий, как северная звезда, другой – кошачий. Рядом с ним всегда сидел Волк, молодой, сильный, с одинаковыми, как у деда, глазами.

Я замороженно слушал старого саами. Его рассказ был фантастическим, напоминал легенду. Если бы мне рассказали эту историю в городе, я бы прослушал ее и отнес к разряду саамских сказаний. Но мы были в тундре. Совсем недалеко курилось озеро Духов, с которого, словно туманы, сползались саамские легенды и сказания. Озеро Духов издревле пользуется специфической славой. Некогда оно было местом саамских обрядов, магии, жертв, запечатленных в скалах мифов...

Мой путь лежал в сторону саамских петроглифов, возраст которых насчитывает семь тысяч лет. Я знаю людей, встречавших в этих местах снежного человека, разговаривал с теми, кому довелось пережить здесь собственную смерть, и слышал о людях, пропавших в заколдованных местах без следа.

Каждый раз, вспоминая Ловозерскую тундру, – как вот сейчас, я вижу нойдов, танцующих на стеновых скалах, и группы сейд-камней, точно вырезанных из воздуха. Поэтому не верить старику саами я не мог, его устами говорила тундра.

Старик саами замолчал. Он устал, и неудивительно: для лопаря такая длинная речь нетипична. Волк, который, казалось, тоже слушал эту историю, поднял голову и посмотрел на своего хозяина. Старик повернул голову в сторону волка, в этот момент вспыхнул костер, и я явно увидел, что один глаз у старика яркий, а другой – мягкий, зеленый...

Саами встал и, не прощаясь, ушел в куваксу, за ним ушел и Волк. Я долго не спал, глядя на святую для лопарей звезду – Полярную. Она ярко выделялась на небосводе и что-то мне напоминала...

Утром я не обнаружил хозяина куваксы, так гостеприимно приютившего меня. Я не удивился исчезновению, их поглотила тундра, вечная, загадочная. Они растворились на ее просторах: Герой и его верный Друг – Волк.

Виктор Алексеевич ГРИШИН

родился на Волге в городе Кинешме.

Окончил Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова.

Кандидат экономических наук.

Доцент Мурманского государственного технического университета.

Член Союза писателей России.

Автор 10 книг.

Печатался во многих отечественных и зарубежных журналах.

Дипломант IX открытого конкурса литераторов на соискание литературной премии им. Ю.С. Рытхэу в 2014 году.

Победитель конкурса на соискание литературной премии им. О. Бешенковской (сезон 2012–2013) МГП.

Диплом «За верное служение отечественной литературе» с вручением медали «60 лет Московской городской организации Союза писателей России (1954–2014).

В журнале «Север» публикуется впервые.

